

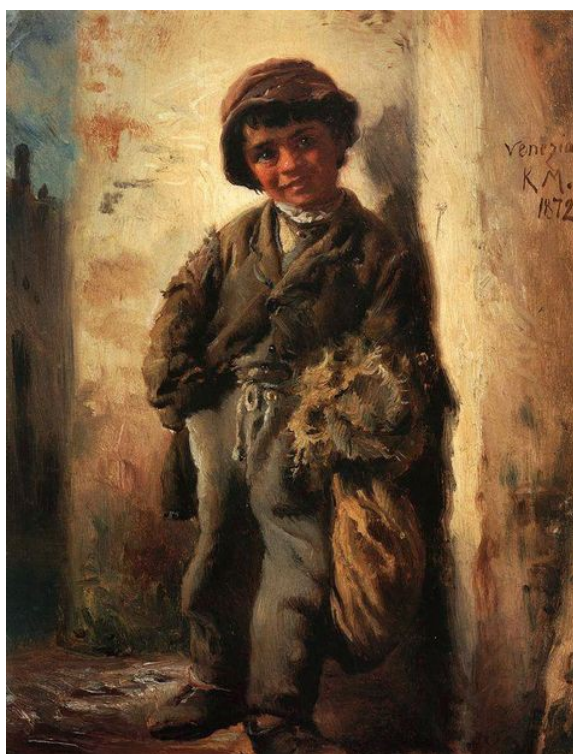
Раб и работа. К этимологии слов

Анатолий Мармазов

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения слов «раб», «работа» и «ребенок», при этом устанавливается, что слова «раб» и «работа» когда-то могли иметь другие значения и относиться вовсе не к маленькому ребенку, а к так называемому отроку, то есть подростку пубертатного периода до его вступления в брак, который обладал уже достаточной силой для того, чтобы начать подготовку к трудовой и сексуальной деятельности с помощью инициации под руководством жреца или путем отдачи его в другую семью. Аналогом того и другого является нынешняя армия.

В этимологических словарях слово «работа» возводят к восстановленному учеными праслав. слову *«orbota» (Успенский Л.В.), а слово «раб» - к общеслав. орбъ, которое связывают с латинск. orbus — «лишенный чего-либо» и древнеинд. arbhas — «слабый» (Крылов Г.И.). Упоминаются также старослав. роба — «рабыня» и немец. arbeit — «работа», которое связывают с мнением историка Тацита о том, что «вольнорожденные германцы не работали, они оставляли работу несвободным». Более того, и Крылов, и Успенский считают, что первоначальное значение слова «раб» в русском языке — «сирота», то есть ребенок, лишенный родителей, а затем произошел сдвиг значения в «подневольный работник», что в какой-то мере не лишено логики при наличии вышеприведенных латинского, древнеиндийского и немецкого слов.

Но в то же время на связь образа не только сироты, но и любого ребенка прошлых веков, имевшего живых родителей, с образом подневольного человека указывают слова Костомарова Н.И. о том, что «между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложной святостью патриархальных отношений... покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей перед ними переходила в деспотизм без нравственной силы», с чем согласуется более позднее утверждение Ф. Арьеса о том, что до 16 века отсутствовало даже само понятие о ценности жизни ребенка, образ которого в таком случае еще крепче привязывается к образу обездоленного человека, что, однако, никак не совпадает с образом сильного и здорового раба-невольника, созданным христианской литературой, который, в отличие от слабого ребенка, был способен на любую физически затратную работу, в то время как не выросшие еще дети, лишенные родительского попечения, как, впрочем, и взрослые немощные люди, по большей части просили милостыню, что согласуется с русским диалектным сирота — живущий подаянием, милостыней, нищий.

Более того, древнерусская община, к которой принадлежал лишенный родителей ребенок, могла, ведь, взять над ним шефство. В античных государствах существовали и специальные приюты для обездоленных людей. Хотя, конечно, бывало всякое,- в том числе отмечаются и многочисленные случаи гибели малышей по недосмотру или от рук своих родителей, которым лишний рот был в тягость и которым просто некогда было смотреть за маленькими детьми.

Однако в случае длительных неурожаев, чтобы спасти себя и детей, уменьшив количество едоков, родители могли выбирать наиболее

смышленных и красивых из них и отправлять с проезжавшими мимо купцами в благополучные страны, где они и продавались в счет затрат на их дорожное содержание в услужение иностранным покупателям. Эта традиция сохранялась до конца 19 века, когда из Олонецкой губернии якобы для обучения какой-нибудь профессии отвозились подводы с живым товаром в Петербург. Все лучше, чем умереть с голоду. Но, опять же, эти дети не пахали, не сеяли, а прислуживали при доме или в поздние времена работали на мануфактуре. Поэтому слово «работа» со словом «ребенок» имеет опосредованную связь, хотя слово «ребенок», наверняка, связано с санскр. *arbha* — маленький, слабый, ребенок и с латинск. *orbis* — «лишенный чего-либо». Например, до своего взросления и вступления в брак каждый из них был лишен права голоса и лично ему принадлежащих вещей и жизненного пространства. Но самое главное, чего был лишен каждый взрослеющий ребенок, это наличие «второй половинки», то есть супруги или супруга, что позволяло бы ему (и в какой-то мере ей) чувствовать себя полноценным членом общества.

Конечно, слабосильные по возрасту дети могли в древности выполнять какую-то определенную работу, но весьма незначительную. Их начали усиленно эксплуатировать лишь с резким всплеском промышленного развития в конце «просвещенного» 19 века, когда требовалась не грубая физическая сила, а, допустим, незначительные размеры, что позволяло промышленникам устанавливать станки почти вплотную друг к другу. Юркие и маленькие детишки сновали между этими станками там, где взрослый увалень определенно бы застрял. И при этом получали заработную плату значительно меньшую чем взрослые. Можно привести и еще одну работу, где использование низкорослых и худых в те времена детей считалось просто необходимым для нее,- это чистка печных труб в 18-19 веках, когда маленького ребенка на веревке опускали в трубу, чтобы он скребком отчищал ее от многолетней сажи. Этой по настоящему рабской и смертельной работой занимались дети, начиная с 8, а то и с 4 лет. Но ведь слова «раб» и «работа» возникли неизмеримо раньше 1728 года, когда в Копенгагене случился большой пожар, уничтоживший половину города и приведший к появлению профессии трубочиста.

При этом необходимо отметить, что в положении, сходном с положением ребенка-сироты, могла оказаться и женщина, потерявшая мужа-кормильца, что можно соотнести с санскр. словом *vidhavā* – вдова, которое, также как и латин. *orbus* – лишенный чего-л., имеет смысл разделения или лишения в элементах *vi* и *vidhā*, при том что *dhava* – муж, а *vidhu* – одинокий. В данном случае обратите внимание на связь санскр. *vidhu* с русскими словами «вид» и «видный», то есть выделившийся, а значит и противопоставленный всему остальному, что также согласуется с понятием вождя, который должен быть в единственном числе по своему статусу. На возможность соотнесения сироты со вдовой указывает и латин. *orba* – сирота, вдова, но дело в том, что здесь речь идет не о работе, как таковой, а об одиночестве, связанном с лишением или повреждением сакрального «круга», защищающего человека от разного рода неприятностей. Не зря же в санскрите слово *vara* имеет два значения: «ограниченное замкнутое пространство, круг» и «избранный, ценный, жених, супруг», в то время как фонетически схожие санскр. *varā* – богатство, множество и *-vāra* – отпор, отражение означают защиту и рост благосостояния, в том числе и увеличение семьи за счет родившихся детей.

Если же вспомнить о китайских инь и янь, символизирующих собой женское (темное) и мужское (светлое) начала, то их объединение в качестве противоположных субстанций создает тот великий круг, который одновременно символизирует Великий предел или Великое разделение, за чем на бытовом уровне может стоять появление округлого живота у беременной женщины с

последующим рождением ребенка. Не зря же инь и янь представлены в виде двух условных рыбок, при том что рыба в символике обозначает плодородие и сексуальную гармонию, что воплощается в крохотной «рыбке»-зародыше, плавающей в недрах материнского чрева.

Поэтому нелишне будет указать на латин. *ora* – граница, предел, *bīto* – идти и объединяющее их слово «*orbita*» – круговой путь, орбита, которая представляет из себя определенную окружность, которую совершает спутник, двигаясь вокруг своего «сюзерена», и выпадение за границы которой означает разрыв «отношений» или удаление, что, между прочим, соответствует смыслам диалектного «сиротина» – девушка, брошенная любимым, и выражению «сиротские песни» – песни в свадебном обряде, которые поют подружки невесты, фактически прощаясь с нею, а также слову «сирота» – живущий подаянием, нищий, что равнозначно смыслу «человек, которого покинула прекрасная и добрая богиня Доля».

В данном случае интересно рассмотреть слово «отрок», которое может иметь смысл «не имеющий права говорить», что связывает его со словом «отречь». Но это же слово придает термину «отрок» и значение отречения, за которым может скрываться древний обычай отдавать своих детей в другие семьи для дальнейшего воспитания, который, в свою очередь, может быть связан с обрядовой инициацией повзрослевших детей, которые при этом отторгались от семьи. Поэтому слово «отрок» можно сопоставить и со словом о(т)торг(ать). Сравните: др.-русс. тѣргъ, старослав. трѣгъ или трогать < тѣргать (рвать, дергать, терзать) (Шанский Н.М.), где

происходит перестановка ър-ръ (ор-ро), а также русское диалектное отрокнуть — отбить, отбросить и торкать (торгать) - толкать.

То есть речь здесь идет об обрядовом разрывании связей между ребенком и родившей его семьей, что фактически соответствует временной границе между возмужалостью и детством. Причем эта временная граница была заполнена подготовкой ко взрослой жизни, проводившейся в запретном для других месте под руководством жреца, которая после ослабления язычества стала заменяться проживанием ребенка в другой семье.

Как мы видим в этих словах присутствует и значение торго,- то есть дети отдавались или запродавались не только для обучения с одновременным служением, но и в качестве прислуги, за что родители могли получать какие-то деньги. Видимо процесс обучения подростка перед его переходом во взрослое состояние был неразрывно связан с его прислуживанием своему учителю-знатку, как в русском народе называли колдунов, живших на отшибе и по слухам якшавшихся с нечистой силой, которые затем превратились в учителей, обучающих какой-нибудь профессии.

И здесь появляется образ ребенка, подвергнутого инициации, в качестве черта, имеющего, как правило, небольшой рост, который то появляется из-за сакральной границы (черты), то уходит обратно, делая при этом разные пакости православному люду, что может являться отображением языческого обряда, когда инициируемые «черты», живущие в запретном месте и на время потерявшие человеческий облик, совершали набеги на крестьянские поселения. При этом они приобретали значение тертости, то есть в результате многочисленных испытаний набирались опыта. А значит слово «черт» может иметь древние связи не только со словом «черта» (граница), но и со словами «тереть, тёрт».

При этом оно невидимыми нитями связано со словом «отрок», потому как и черту, и проходящему инициацию отроку суждено было быть отреченными от человеческого общества, но в отличие от христианского черта, языческий отрок мог окончательно осесть в человеческом мире.

О том, что и отрока, и черта можно сблизить с образом сироты, за которым может стоять обрядовое «отсутствие» родителей, потому

что парень начинал уже «вырастать» из них, но при этом еще не обретал свою вторую половину, свидетельствуют «неприличные сценки ряженных с участием «сиротинки», основной смысл которых — пародийно-смеховое изображение коитуса», указывающее на то, что «личины «нищего», «странника» и «сироты» являются разновидностью обычного для находящегося в предбрачном периоде юноши «скоморошье» облика». При этом сирота или сиротинка мужского и женского рода страдал не от рабства, как оно описывается в христианской литературе, а от отсутствия противоположного пола и от постоянных сексуальных фантазий, — то есть являлся их рабом, что определенным образом влияло на его моральный облик, мешая ему стать обрядовопослушным членом культурного человеческого общества. Завершающим этапом наиболее древнего смысла термина сиротина (сирота) является представление сиротины в образе жениха или невесты, которым еще только предстоит обрести свой собственный семейный круг, который, хотя бы в идеале, их будет защищать.

Теперь по поводу этимологии слова «сирый» — одинокий, бесприютный, бездомный, от которого производят слово «сирота». Если предположить, что это слово в своих сакральных или табуированных значениях представляет из себя эвфемизм, обозначающий молодого и полного сил, но еще неженатого человека, то его можно сравнить не только с др.-гр. χῆρος — опустевший, осиротевший, лишенный, вдовец и χήρα — вдова, но и с ἥρος — утро, весна, весенняя свежесть, красота, цвет и ἥρα — приятное, угодное, желаемое, ἥρα — быть влюбленным, стремиться, страстно желать. При этом начальный элемент χῆ (= καὶ ἦ) имеет значения «невредимый, незадетый, несмоченный, неопробованный, неотведавший», «любимый, приятный, храбрый, благородный», «сосуд,местилище, полость» и «разбивать, ломать», которые, как и значения элементов ἥρος и ἥρα, ἥρα, обладают явно сексуальным оттенком, свойственным надеждам и чаяниям взрослеющей молодежи.

Таким образом за словами «вдовец» и «вдова», а также за словом «сирота», может стоять сакральный смысл временного одиночества пока еще неженатых молодых людей: парня, будущего семейного правителя-сира (сэра) в качестве пахущего плуга и наделяющего влагой потока согласно санскр. sīra — плуг, sīgā — поток, и девушки, которой после свадьбы суждено было ткать хотя бы видимость семейного благополучия согласно санскр. sirī — ткачиха. Из-за

табуированности все это могло быть прикрыто отсутствием второй половины в результате ее смерти, хотя имеющий возможность, но не рождающий, человек с точки зрения языческих верований, действительно, уподоблялся мертвецу, что, возможно, привело к появлению образа жениха-мертвеца. В принципе на это же указывают и выражения «соломенная вдова» и «соломенный вдовец», что означает отсутствие контакта между молодыми мужем и женой.

С этой точки зрения любопытно рассмотреть др.-гр. слово *ορφῆς* (сиротис), которое имеет значение «накрашенный белилами», что может относиться к древнегреческой традиции у тогдашних молодых модниц и модников изображать из себя бледнолицую и томную богиню или бога, тщательно отбеливая свинцовыми белилами свое лицо (отчего они и впрямь начинали бледнеть и заболеть), что можно сопоставить с русским изображением худенького и бледного ребенка-сироты, а с другой стороны это может быть сопоставлено с личиной скомороха-сиротинушки с намазанным белой краской лицом. Древнерусские же девушки в основном предпочитали румяна, чтобы лицо выглядело румяным, а не бледным, - томные же красавицы (и красавцы) появились намного позже. Легкими косметическими средствами, между прочим, могли пользоваться и парни, чтобы выглядеть более привлекательно в глазах девушек, хотя наиболее brutальными когда-то были у них обильные борода с усами и шевелюра, указывающие по тем временам на большую плодоносную силу.

Прежде чем заняться исследованием термина «работа», представим себе, каким словом, общим для всех видов работ, можно его охарактеризовать? Пахарь, принимаясь за работу, «хватается» (берется) за соху, дровосек — за топор, смельчак, идущий на медведя, - за рогатину, воин — за оружие, книгоуч — за книгу, философ - за идею и т. д. Общим для всех видов древней работы был термин «хватать» (братъ), который по смыслу соответствует санскр. «*rabh*» (равному *ārabh*) в значениях "начинать, захватывать, удерживать, зажимать, обвивать", при том что рефлексом хватания отличаются как *rabha* — обезьяны, так и человеческие детеныши, похожие на маленьких обезьянок. Это древнейший смысл слова «раб», к которому в дальнейшем прилип и смысл захвата невольников, в результате чего слово «раб» со значением «тот, кто захватывает» (то есть включает в свою «орбиту») было подменено его полной противоположностью со

значением «тот, кого хватают». Несмотря на это сохранились и древнейшие значения «раб божий» и «раба или раб любви», где элемент захвата оформлен в виде сильной эмоциональной зависимости человека от бога или от своего избранника (избранницы), а также ребенка от матери.

Обращает на себя внимание и русское диалектное рабить — работать, ловить, догонять девушку при игре в парочки, что не случайным образом находит свое отражение в индо-ар. *kāma* - страсть, желание, любовь, половой акт и *kāmā* — работник, при том что швабск. *arbeit* — детская болезнь, сопровождаемая конвульсиями, может быть ассоциативно связано с имитацией полового акта, приводящего к рождению ребенка, а устарелое нидерл. *arbeidt* — родовые муки связывает понятия тяжелой работы и родов.

Между тем, санскр. «*rabhas*» — сила, мощь, энергия, стремительность, рвение, связанное с *rabh* — начинать, захватывать, удерживать (объект делания или объект, с помощью которого это делание производится) своей противоположностью имеет санскр. «*arbha*» — маленький, слабый, ребенок что, по сути, означает «не сильный», а точнее «пока еще не сильный». «*Arbha*» — это сила в начале своего развития, когда она является еще незначительной, когда ее можно «схватить» и с легкостью «поняньчить» на руках. Так в сознании древних сила взрослого человека (или, например, великой реки) связывается со слабостью его детства (или ее истока), поэтому санскр. «*bala*» — юный, молодой, неопытный имеет также значение «сила, мощь, энергия, власть», а санскр. «*śavas*» - сила,

могущество лишь одной буквой отличается от «śāva» - детёныш.

Более того само слово «человек» в древности могло быть связано со взрослым состоянием, когда бывший ребенок после своего взросления и вступления в брак получал право голоса, что закреплялось после выделения из семьи (по согласию отца) правом владеть своей собственной землей и имуществом, а значит лишенный всего этого ребенок-orbus не считался еще человеком вплоть до своего взросления, что привязывает его к образу rabha – обезьяны, похожей на человека, но им не являющейся. В то же время стоит обратить внимание на то, что обезьяна в Индии обожествляется, что связывает санскр. rabha с турецк. rab – бог и с арабск. rabb – правитель, мастер, бог, в то время как турецк. rabit означает связь, что любопытно сопоставить с латин. orbita – круговой путь, орбита.

Таким образом, ни слабость, ни детство не могли стать синонимом подневольного труда в древности. Хотя, конечно, в той же Спарте детей забирали у родителей, но лишь для того, чтобы воспитать из них могучих воинов, а не сделать рабами в современном смысле слова. Благодаря этому соблюдалась связь детской слабости и последующей силы повзрослевшего человека.

Едва ли не для любой физической работы в древности требовалась значительная мускульная сила, поэтому санскр. «rabhas» – сила, мощь, энергия, конечно же, связано с русским словом «работа». Как связано с ним и санскр. слово "rabhate" - начало, ведь слово "начало" является синонимом таких слов как "начинание, дело, затея, предприятие", которые можно связать со словом "работа". Но солнце, двигаясь по небу в одном и том же направлении, тоже совершает работу и тоже не может выйти из раз и навсегда определенного для него круга жизни. Оно не вольно двигаться туда, куда ему заблагорассудится,- так же и раб в современном понимании слова не волен в своем движении. Но работу нашего драгоценного светила никому не придет в голову связывать с унижительным словом «рабство».

Фактически в уже упомянутой выше древней Спарте ребенок, оторванный от родителей, действительно, начинал «работать», но эта работа называлась подготовкой к службе. И здесь возникает интересная трактовка этого слова через военную или гражданскую службу своему работодателю, - господину или государству, а в наиболее древнем значении - службу солнцу и звездному небу.

В санскрите есть слова «га» - давать, дарить, жаловать и «bhata» - заработная или арендная плата, наем, нанятый солдат, воин, прислужник, слуга. Сравните: монг. «бата» - твердый, крепкий, надежный, верный и санскр. baṭu — мальчик, сорванец. Соединение двух слов га+bhata также могло дать слово «работа», освященное блеском и теплом работяги-солнца или красотой спокойного ночного неба, на котором тоже есть свои «светлые» работники — большая луна или месяц и маленькие звезды. Соединение же санскр. ага в значении «скорый, быстрый, соответствующий» и bhata в значении «воин, прислужник, слуга» дает слово aṅabhata — инициативный, смелый, отважный, что фонетически схоже с нем. arbeit, а по смыслу соответствует более древнему значению турец. слова «gab» в значении «мастер своего дела».

Можно предположить, что изначально в те благословенные времена, когда не было войн и армий, а племена еще не были оседлыми, слово «bhata» образовалось из «bha» — звезды, светило, солнце и «at» (pf. «āta») - бродить, странствовать. Возможно, в связи с образом странствующего и при этом работающего

(освещающего землю) солнца или с образами «работающих» по ночам луны и звезд и появился институт странничества, связанный не только со странниками, исполнявшими свою духовную миссию, но и с торговцами, мореходами, бродячими музыкантами и ремесленниками, а также с древними геологами, занимавшимися поисками полезных ископаемых. Не зря же к странникам на Руси и не только на Руси всегда относились с большим уважением. Потом, конечно, со странствующим солнцем или совершающим свой круговорот звездным небом стали сравнивать идущих по земле воинов с их блестящим вооружением.

Сакральность древнейшего слова «работа» подчеркивает и то, что элементы, его составляющие, имеют также значение «светлости, яркости» (санскр. «āga» - медь, бронза, «bhā» — светить, «bhata» - светящийся, светлый, проявляющийся, «ga» тоже может иметь значение «огонь, жар»). И то правда: каждая работа вне дома происходила в те времена при свете солнца. Вспомните также древнерусское выражение «светлый князь», а затем уже «ваша светлость», и древнеегипетское соединение образа фараона с образом солнца. Возможно, существует и связь слова «хан» (kan, khan) со словами «кун, sun, son, зон» (солнце). Все эти титулы через образ работающего солнца соотносятся и с самим словом «работа».

Исходя из того, что «ga» - давать, дарить, жаловать и gā = raī (богатство), в то время как i – подниматься, достигать чего-л., можно определить контуры настоящего земного рая, чье название, возможно, связано с санскр. «gaḥ» (с переходом «j» в «й») — светящийся, сияющий, когда многовековое потепление на земле с обилием солнечных дней способствовало тому, что была прекрасная (светлая) погода и всего было вдоволь при относительной малочисленности населения, и, к тому же, в те времена еще не было людей, готовых все это присвоить исключительно себе. Когда приходила весна, то сытые и веселые люди с песнями, славящими богов (bha – светило, солнце, gā — идти, gā — петь, восхвалять, воспевать, bhaga – счастье, благополучие, bhoga — пища, удовольствие), выходили на заре в поля для посева, а затем с песнями убирали урожай, которого вполне хватало до следующего урожая, при том, что в реках было много рыбы, а зверя в лесах. В общем, было настоящее царство благословенного «Ra» - дарителя, то есть царство Солнца.

Но затем климат на земле стал резко меняться, а численность населения к тому времени значительно увеличилась. Урожаи резко упали и еды стало на всех не хватать. Голодные и озлобленные люди научились собираться в «шайки» и грабить более благополучных соседей. Так появились прообразы будущих армий, и так появились вожди, которые вели быстрые победные «дружины» (dru – бежать, спешить, drū – швырять, бросать, убивать + jīna – победитель) на поиски своей доли, отнимая ее у мирных земледельцев, в противовес чему появились хорошо оплачиваемые дружины, берущие их под свое покровительство. Происходило изменение смысла слов «взять» и «доля», - если раньше брали свою долю исключительно от щедрот природы, то затем могли взять и чужую, не принадлежащую им по праву, обездоливая этим умелых работников. Конечно же были и другие вожди, которые уводили людей на поиски счастливой доли или земли, - вроде того как их потомки искали золотую страну «Эльдорадо».

Любопытно, что под санскр. словом «gabha» подразумевают обезьяну, которую в Индии никому не придет в голову назвать «рабой». С обезьянами там носятся как с «писаной торбой», позволяя делать им все что угодно, - несмотря на то, что они не только хватаются за ветки, прыгая по деревьям, но и могут выхватить у зазевавшейся женщины даже маленького ребенка.

В противоположность более древним религиям, христианство отрицательно относится к образу обезьяны, называя дьявола обезьяной бога. Поэтому понятно переложение образа обезьяны на образ подневольного человека, недостойного по средневековой европейской мысли называться человеком, - и это несмотря на то, что самые первые христиане в основной своей массе также были невольниками. Этот казус можно объяснить тем, что многие подневольные люди эпохи христианства являлись язычниками, захваченными христианами в плен, или же просто социально униженными по разным причинам людьми. Со временем такие люди тоже стали считаться христианами, но все равно они продолжали исполнять в своей среде многие языческие обряды и ритуалы, зачастую лишь замаскированные под христианские.

Поэтому есть смысл производить слово «крестьянин» не от «христианин», а от санскр. *kr̥ṣṭa* — пахать, обрабатывать, пашня с добавлением *jan* — родиться, рождаться (с переходом *j* в *й*) или *yaṇ* (= *yad*) — кто, который. Таким образом слово «крестьяне» можно трактовать как «рожденные обрабатывать землю» или «(тот) кто пашет».

Любопытно, что до сих пор слово «пахать» существует в смысле «усиленно работать», вот только примеряют его к себе не только настоящие крестьяне, но и все, кому не лень, в том числе и руководящие работники, подспудно сравнивая себя с солнцем, поливающим землю солнечной спермой, как крестьяне

«поливают» ее семенами. Не зря же слова «пах» и «пахать» соединяют вместе работу ночную и работу дневную. Так что многие руководящие работники, действительно, могут пахать, но только по ночам.

А между тем очень длинные рукава у боярского кафтана (значительно ниже кистей рук) были предназначены для того, чтобы показать отличие бояр от простого люда, которому перед работой, наоборот, было сподручней закатывать рукава (и так доходящие в лучшем случае до кисти). Из-за такого длиннющего рукава невозможно было что-нибудь схватить, - то есть стать «хватающим» (работником), а с другой стороны это очень неудобно, поэтому в рукавах проделывались прорезы, чтобы бояре могли все-таки что-нибудь «схватить», например, чару с вином. Этот факт выявляет тогдашнее противоречие между старым значением слова «rabh» - хватать (добровольно) и его новым значением «схваченный» или тот, кто был вынужден «хватать» сельскохозяйственное орудие, чтобы заниматься тяжелым подневольным трудом.

В то же время, если обратиться к санскриту, то можно обнаружить такие слова как bhar – иметь, нести, кормить, поддерживать, (со)чувствовать и in – быть повелителем или хозяином чего-л., которое имеет два дополнительных смысла «вселять силу,

радовать» и «использовать силу, заставлять, насиловать». Их соединение дает слово «bhārin» — несущий, тяжелый, нагруженный, которое определило эволюцию образа фактически мастера своего дела, несущего полученный урожай в общественный амбар, в образ откровенного хапуги-барина, прячущего не им созданное добро в собственные закрома, с промежуточным образом вождя, делящего все по совести и чину. Поэтому слову bhārin с учетом длинного ā более точно соответствует соединение bha (светило, солнце) + ag (хвалить, восхвалять; размещать, побуждать, причинять боль, страдание) + in (быть повелителем или хозяином чего-л.), что когда-то могло относиться и к умелому крестьянину, работавшему на своей земле, который одновременно и прославлял землю-матушку, и насиловал ее сельскохозяйственными орудиями, и извинялся перед ней, — а также, например, к удачливому охотнику, который не только убивал зверя или птицу, но и просил у них прощения согласно древнему охотничьему обычаю.

Если же сравнить слово «bhar» — иметь, нести, кормить, поддерживать и слово «rabh» — начинать, захватывать, удерживать, то можно увидеть, что значения слова rabh, как правило, предшествуют значениям слова bhar, потому что любое благополучие начинается с работы или с более современного рейдерского захвата, — это уж как кому удавалось и удастся. Поэтому в санскрите есть слово «bhārin» — несущий, тяжелый, нагруженный, но нет слова rabhin, потому что с in — быть хозяином можно сопоставить достижения, связанные с завершением процесса созидания, а не с его началом.

В то же время у евреев имеется фамилия Рабин, которую связывают со смыслом ивр. рабби — мой господин и ребе — учитель, наставник, что опять же указывает на божественность слова «раб», потому что такими учителями-наставниками могли быть жрецы, под руководством которых происходила инициация молодежи или тогдашних «сирот», оторванных от родителей, но зато получавших после тяжелых испытаний или тяжелой работы не только право голоса, но и право на вступление в законный брак. Поэтому в слове «раб» заложен тот же смысл сопоставления начала и зрелости, что и в санскр. словах bāla — юный, незрелый и bala — сила, власть, насилие, śāva — детеныш и śavas — сила, могущество, где зафиксировано не только насилие над ребенком, связанное с его жестким в прошлые времена жреческим воспитанием в русле свойственных народам традиций и обычаев, но и возможность

самого ребенка в будущем приобрести силу и власть, чтобы уже в новые христианские времена таким же образом самому воспитывать и учить собственных детей, соблюдая вечный круговорот жизни: дети → родители → дети и так без конца.

Поэтому на униженное положение ребенка в прошлом вплоть до его взросления мы не должны смотреть с позиций нынешнего времени, без учета того, что его сизмальства приучали к неимоверным трудностям, которые были неизбежны на всем его жизненном пути. А значит без такого воспитания у ребенка не было шансов выжить.

Что же касается известного сопоставления slave — раб, то оно будет рассмотрено в соответствующей статье. Можно лишь сказать, что здесь имеет место как сопоставление «связанных общей цепью или веревкой рабов» и «связанных общинными законами славян», так и, возможно, несправедливое сопоставление условий жизни и работы славянского населения и жителей более богатых земель, восходящее к «Войне с готами» Прокопия Кесарийского.

Литература

Успенский Л.В. Почему не иначе? Этимологический словарь

Крылов Г.И. Этимологический словарь русского языка

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка

Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа

Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке

Monier-Williams A Sanskrit-English Dictionary

Storfer A.J. Woerter und Ihre Schicksale

Каримова Р.Х. К вопросу о происхождении слова arbeit (компаративный аспект)

Илюха Ольга Котя, котя, продай дитя

Stowasser J. Dunkle Wörter; lexikalisches

Словарь русских народных говоров

Дворецкий И.Х., Корольков Д.Н. Латинско-русский словарь

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь

H. G. Liddell, R. Scott H. S. Jones A Greek-English Lexicon

Морозов И.А. Отрок и сиротинушка (возрастные обряды в контексте сюжета о «похищенных детях»)

<https://disgustingmen.com/history/deti-trubochisty/>

Turner R.L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages

Картинки взяты из интернета. Спасибо авторам.